

СЕРГЕЙ
ЕСЕНИН

2

СЕРГЕЙ
ЕСЕНИН

Стихотворения

ТОМ

2

Москва
«Русский раритет»

2006

ББК 84 Р7

Е 82

Есенин Сергей.

Е 82 СТИХОТВОРЕНИЯ. В 3-х т.

Т. II. — М.: ИПЦ «Русский раритет», 2006. — 240 с. -- (Мудрость веков).

© Составление, оформление,
ИПЦ «Русский раритет», 2006

ISBN 5-7034-0143-7

ISBN 5-7034-0170-4 (Том 2)

* * *

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной
кущей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув
под кустом,

И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

(1917)

* * *

Небо ли такое белое
Или солью выцвела вода?
Ты поешь, и песня оголтелая
Бреговые вяжет повода.

Синим жерновом развеяны
и смолоты

Водяные зерна на муку.
Голубой простор и золото
Опясали твою тоску.

Не встревожен ласкою угрюмою
Загорелый взмах твоей руки.

Сергей Есенин

Все равно — Архангельском
ишь Умбою
Проплывать тебе на Соловки.

Все равно под стоптанною палубой
Видишь ты погорбившийся скит.
Подпевает тебе жалоба
Об изгибах тамошних раки.

Так и хочется под песню
свеситься
Над водою, спихивая день...
Но спокойно светит вместо месяца
Отразившийся на облаке тюлень.

(1917)

Стихотворения

* * *

Свищет ветер под крутым
забором,

Прячется в траву.

Знаю я, что пьяницей и вором
Век свой доживу.

Тонет день за красными
холмами,

Кличет на межу.

Не один я в этом свете шляюсь,

Не один брожу.

Размахнулось поле русских
пашен,

То трава, то снег,

Все равно, литвин я иль чувашин,
Крест мой как у всех.
Верю я, как ликам чудотворным,
В мой потайный час.
Он придет бродягой
подзаборным,
Нерушимый Спас.
Но, быть может, в синих
клочьях дыма
Тайноводных рек
Я пройду его с улыбкой пьяной
мимо,
Не узнав навек.
Не блеснет слеза в моих ресницах,
Не вспугнет мечту.

Стихотворения

Только радость синей голубицей
Канет в темноту.

И опять, как раньше, с дикой
злостью

Запоеет тоска...

Пусть хоть ветер на моем погосте
Пляшет трепака.

(1917)

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром,
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженный песок.
Где ты, где ты, отчий дом,

За рекой поет петух.
Там стада стерег пастух,
И светились из воды
Три далекие звезды.
За рекой поет петух.

Время — мельница с крылом
Опускает за селом

Стихотворения

Месяц маятником в рожь
Лить часов незримый дождь.
Время — мельница с крылом.

Этот дождик с сонмом стрел
В тучах дом мой завертел,
Синий подкосил цветок,
Золотой примял песок,
Этот дождик с сонмом стрел.

(1917—1918)

* * *

О мать божья,
Спади звездой
На бездорожье,
В овраг глухой.

Пролей, как масло,
Власа луны
В мужичьи ясли
Моей страны.

Срок ночи долог.
В них спит твой сын.
Спусти, как полог,
Зарю на синь.

Стихотворения

Окинь улыбкой
Мирскую весь
И солнце зыбкой
К кустам привесь.

И да взиграет
В ней, славя день,
Земного рая
Святой младень.

(1917–1918)

О пашни, пашни, пашни,
Коломенская грусть,
На сердце день вчерашний,
А в сердце светит Русь.

Как птицы, свищут версты
Из-под копыт коня.
И брызжет солнце горстью
Свой дождик на меня.

О край разливов грозных
И тихих вешних сил,
Здесь по заре и звездам
Я школу проходил.

Стихотворения

И мыслил и читал я
По библии ветров,
И пас со мной Исая
Моих золотых коров.

(1917—1918)

* * *

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

(1917–1918)

Стихотворения

* * *

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших
сил.

Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.

Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг.

Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз!
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.

2*

Сергей Есенин

О, лесная, дремучая муть!
О, веселье оснеженных нив!..
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив.

(1917–1918)

* * *

О верю, верю, счастье есть!

Еще и солнце не погасло.

Заря молитвенником

красным

Пророчит благостную весть,

О верю, верю, счастье есть.

Звени, звени, золотая Русь,

Волнуйся, неуемный ветер!

Блажен, кто радостью

отметил

Твою пастушескую грусть.

Звени, звени, золотая Русь.

Сергей Есенин

Люблю я ропот буйных вод
И на волне звезды сиянье.
Благословенное страданье,
Благословляющий народ.
Люблю я ропот буйных вод.

(1917–1918)

* * *

О муза, друг мой гибкий,
Ревнивица моя.
Опять под дождик сыпкий
Мы вышли на поля.

Опять весенним гулом
Приветствует нас дол,
Младенцем завернула
Заря луну в подол.

Теперь бы песню ветра
И нежное баю —
За то, что ты окрепла,
За то, что праздник светлый
Влила ты в грудь мою.

Теперь бы брызнуть в небо
Вишневым соком стих
За отческую щедрость
Наставников твоих.

О, мед воспоминаний!
О, звон далеких лип!
Звездой нам пел в тумане.
Разумниковский лик.

Тогда в веселом шуме
Игривых дум и сил
Апостол нежный Клюев.
Нас на руках носил.

Теперь мы стали зрелей
И весом тяжелей...

Стихотворения

Но не заглушит трелью
Тот праздник соловей.

И этот дождик шалый
Его не смоеет в нас,
Чтоб звон твоей лампы
Под ветром не погас.

(1917—1918)

МЕЧТА

(Из книги «Стихи о любви»)

1

В темной роще на зеленых елях
Золотятся листья вялых ив.
Выхожу я на высокий берег,
Где покойно плещется залив.
Две луны, рога свои качая,
Замутили желтым дымом зыбь.
Гладь озер с травой не различая,
Тихо плачет на болоте выпь.
В этом голосе обкошенного луга
Слышу я знакомый сердцу зов.
Ты зовешь меня, моя подруга,

Погрустить у сонных берегов.
Много лет я не был здесь и много
Встреч веселых видел и разлук,
Но всегда хранил в себе я строго
Нежный сгиб твоих туманных
рук.

2

Тихий отрок, чувствующий
кротко,
Голубей целующий в уста, —
Тонкий стан с медлительной
походкой
Я любил в тебе, моя мечта.
Я бродил по городам и селам,
Я искал тебя, где ты живешь,

И со смехом, резвым и веселым,
Часто ты меня манила в рожь.
За оградой монастырской кроясь,
Я вошел однажды в белый храм:
Синею водою солнце моясь,
Свой орань мне кинуло к ногам.
Я стоял, как инок, в блеске алом,
Вдруг сдавила горло тишина...
Ты вошла под черным
покрывалом

И, поникнув, стала у окна.

3

С паперти под колокол гудящий
Ты сходила в благовонье свеч.
И не мог я, ласково дрожащий,

Не коснуться рук твоих и плеч.
Я хотел сказать тебе так много,
Что томило душу с ранних пор,
Но дымилась тихая дорога
В незакатном полыме озер.
Ты взглянула тихо на долины,
Где в траве ползла кудряво
мгла...

И упали редкие седины
С твоего увядшего чела...
Чуть бледнели складки
от одежды,
И, казалось, в русле темных
вод, —

Уходя, жевал мои надежды
Твой беззубый, шамкающий рот.

4

Но недолго душу холод мучил.
Как крыло, прильнув к ее ногам,
Новый короб чувства я

навьючил

И пошел по новым берегам.

Безо шва стянулась в сердце

рана,

Страсть погасла, и любовь

прошла.

Но опять пришла ты из тумана

И была красива и светла.

Ты шепнула, заслонясь рукою:

«Посмотри же, как я молода.

Это жизнь тебя пугала мною,

Я же вся как воздух и вода».

Стихотворения

В голосах обкошенного луга
Слышу я знакомый сердцу зов.
Ты зовешь меня, моя подруга,
Погрустить у сонных берегов.

(1918)

Пушистый звон и руга,
И камень под крестом.
Стегает злая вьюга
Расщелканным кнутом.

Шаманит лес-кудесник
Про черную судьбу.
Лежишь ты, мой ровесник,
В нетесаном гробу.

Пусть снова финский ножик
Кровавит свой клинок,
Тебя не потревожит
Ни пеший, ни ездок.

Стихотворения

И только с перелесиц
Сквозь облачный тулуп
Слезу обронит месяц
На мой завялый труп.

(1918)

ИНОНИЯ

Пророку Иеремии

1

Не утрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей, —
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.

Время мое припело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплываю изо рта.

Не хочу воспрять спасения
Через муки его и крест:

Я иное постиг учение
Прободающих вечность звезд.

Я иное узрел пришествие —
Где не пляшет над правдой смерть.
Как овцу от поганой шерсти, я
Остригу голубую твердь.

Подыму свои руки к месяцу,
Раскушу его, как орех.
Не хочу я небес без лестницы,
Не хочу, чтобы падал снег.

Не хочу, чтоб умело хмуриться
На озерах зари лицо.
Я сегодня снесся, как курица,
Золотым словесным яйцом.

3*

Я сегодня рукой упругую
Готов повернуть весь мир...
Грозовой расплескались вьюгою
От плечей моих восемь крыл.

2

Лай колоколов над Русью
 грозный —
Это плачут стены Кремля.
Ныне на пики звездные
Вздыбливаю тебя, земля!

Протянусь до незримого города,
Млечный прокушу покров.
Даже богу я выщипаю бороду
Оскалом моих зубов.

Ухвачу его за гриву белую
И скажу ему голосом вьюг:
Я иным тебя, господи, сделаю,
Чтобы зрел мой словесный луг!

Проклинаю я дыхание Китежа
И все лощины его дорог.
Я хочу, чтоб на бездонном вытяже
Мы воздвигли себе чертог.

Языком вылижу на иконах я
Лики мучеников и святых.
Обещаю вам град Инонию,
Где живет божество живых!

Плачь и рыдай, Московия!
Новый пришел Индикоплов.

Ты огня золотого залежи
Разрыхлял киркою воды.

Стая туч твоих, по-волчьи лающих,
Словно стая злющих волков,
Всех зовущих и всех держающих
Прободала копьем клыков.

Твое солнце когтистыми лапами
Прокогтялось в душу, как нож.
На реках вавилонских мы
плакали,
И кровавый мочил нас дождь.

Ныне ж бури воловьим голосом
Я кричу, сняв с Христа штаны:

Мойте руки свои и волосы
Из лоханки второй луны.

Говорю вам — вы все погибнете,
Всех задушит вас веры мох.
По-иному над нашей выгибью
Вспух незримой коровой бог.

И напрасно в пещеры селятся
Те, кому ненавистен рев.
Все равно — он иным отелится
Солнцем в наш русский кров.

Все равно — он спалит телением,
Что ковало реке берега.
Разгвоздят мировое кипение
Золотые его рога.

Новый сойдет Олимпий
Начертать его новый лик.
Говорю вам — весь воздух выпью
И кометой вытяну язык.

До Египта раскорячу ноги,
Раскую с вас подковы мук...
В оба полюса снежнорогие
Вопьюся клещами рук.

Коленом придавлю экватор
И, под бури и вихря плач
Пополам нашу землю-матерь
Разломлю, как золотой калач.

И в провал, отененный бездною,
Чтобы мир весь слышал тот треск,

Я главу свою власозвездную
Просуну, как солнечный блеск.

И четыре солнца из облачья,
Как четыре бочки с горы,
Золотые рассыпав обручи,
Скатясь, всколыхнут миры.

3

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли, —
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!

Не отягивай чугунной радугой
Нив и гранитом — рек.

Стихотворения

Голько водью свободной Ладоги
Просверлит бытие человек!

Не вбивай руками синими
В пустошь потолок небес:
Не построить шляпками
 гвоздиными
Сияние далеких звезд.

Не залить огневого брожения
Лавой стальной руды.
Нового вознесения
Я оставлю на земле следы.

Пятками с облаков свесюсь,
Прокопытю тучи, как лось;

Колесами солнце и месяц
Надены на земную ось.

Говорю тебе — не пой молебствия
Проволочным твоим лучам.
Не осветят они пришествия,
Бегущего овцой по горам!

Сыщется в тебе стрелок еще
Пустить в его грудь стрелу.
Словно полымя, с белой шерсти
его
Брызнет теплая кровь во мглу.

Звездами золотые копытца
Скатятся, взбороздив ночь.

И опять замелькает спицами
Над чулком ее черным дождь.

Возремлю я тогда колесами
Солнца и луны, как гром;
Как пожар, размечу волосья
И лицо закрою крылом.

За уши встряхну я горы,
Копьями вытяну ковыль.
Все тыны твои, все заборы
Горстью смету, как пыль.

И вспашу я черные щеки
Нив твоих новой сохой;
Золотой пролетит сорокой
Урожай над твоей страной.

Новый он сбросит жителям
Крыл колосистых звон.
И, как жерди золотые, вытянет
Солнце лучи на дол.

Новые вырастут сосны
На ладонях твоих полей.
И, как белки, желтые весны
Будут прыгать по сучьям дней.

Синие забрезжут реки,
Просверлив все преграды глыб.
И заря, опуская веки,
Будет звездных ловить в них рыб.

Говорю тебе — будет время,
Отпещут уста громов;

Прободят голубое темя
Колосья твоих хлебов.

И над миром с незримой лестницы,
Оглашая поля и луг,
Проклевавшись из сердца месяца,
Кукарекнув, взлетит петух.

4

По тучам иду, как по ниве, я,
Свесясь головою вниз.
Слышу плеск голубого ливня
И светил тонкоклювых свист.

В синих отражаюсь затонах
Далеких моих озер.

Вижу тебя, Инония,
С золотыми шапками гор.

Вижу нивы твои и хаты,
На крылечке старушку мать;
Пальцами луч заката
Старается она поймать.

Прищемит его у окошка,
Схватит на своем горбе, —
А солнышко, словно кошка,
Тянет клубок к себе.

И тихо под шепот речки,
Прибрежному эху в подол,
Каплями незримой свечки
Капает песня с гор:

«Слава в вышних богу
И на земле мир!
Месяц синим рогом
Тучи прободил.

Кто-то вывел гуся
Из яйца звезды —
Светлого Иисуса
Проклевать следы.

Кто-то с новой верой,
Без креста и мук,
Натянул на небе
Радугу, как лук.

Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!

Сергей Есенин

Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.

Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера — в силе.
Наша правда — в нас!»

(1918)

КОРОЛЕВА

Пряный вечер. Гаснут зори.
По траве ползет туман,
У плетня на косогоре
Забелел твой сарафан.

В чарах звездного напева
Обмлели тополя.
Знаю, ждешь ты, королева,
Молодого короля.

Коромыслом серп двурогий
Плавно по небу скользит.
Там, за рощей, по дороге
Раздается звон копыт.

4*

Сергей Есенин

Скачет всадник загорелый,
Крепко держит повода.
Увезет тебя он смело
В чужедальни города.

Пряный вечер. Гаснут зори.
Слышен чуткий храп коня.
Ах, постой на косогоре
Королевой у плетня.

(1918)

* * *

Снег, словно мед ноздреватый,
Лег под прямой частокол.
Лижет теленок горбатый
Вечера красный подол.

Тихо от хлебного духа
Снится кому-то апрель.
Кашляет бабка-старуха,
Грудью склонясь на кудель.

Рыжеволосый внучонок
Щупает в книжке листы.
Стан его гибок и тонок,
Руки белей бересты.

Выпала бабке удача,
Только одно невдомек:
Плохо решает задачи
Выпитый ветром умок.

С глазу ль, с немилого ль взора
Часто она под удой
Поит его с наговором
Преполовенской водой.

И за глухие поклоны
С лика упавших седин
Пишет им числа с иконы
Божий слуга — Дамаскин.

(1918)

ИОРДАНСКАЯ
ГОЛУБИЦА

1

Земля моя золотая!
Осенний светлый храм!
Гусей крикливых стая
Несется к облакам.

То душ преображенных
Несчислимая рать,
С озер поднявшись сонных,
Летит в небесный сад.

А впереди их лебедь.
В глазах, как роща, грусть.

Не ты ль так плачешь в небе,
Отчалившая Русь?

Лети, лети, не бейся,
Всему есть час и брег.
Ветра стекают в песню,
А песня канет в век.

2

Небо — как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя — родина,
Я — большевик.

Ради вселенского
Братства людей

Радуюсь песней я
Смерти твоей.

Крепкий и сильный,
На гибель твою
В колокол синий
Я месяцем бью.

Братья-миряне,
Вам моя песнь.
Слышу в тумане я
Светлую весть.

3

Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань.

Снова зарею клубится
Мой луговой Иордань.

Славлю тебя, голубая,
Звездами вбитая высь.
Снова до отчего рая
Руки мои поднялись.

Вижу вас, злачные нивы,
С стадом буланых коней.
С дудкой пастушеской в ивах
Бродит апостол Андрей.

И, полная боли и гнева,
Там, на окраине села,
Мати пречистая дева
Розгой стегает осла.

Снова зарею клубится
Мой луговой Иордань.

Славлю тебя, голубая,
Звездами вбитая высь.
Снова до отчего рая
Руки мои поднялись.

Вижу вас, злачные нивы,
С стадом буланных коней.
С дудкой пастушеской в ивах
Бродит апостол Андрей.

И, полная боли и гнева,
Там, на окраине села,
Мати пречистая дева
Розгой стегает осла.

О новый, новый, новый,
Прорезавший тучи день!
Отроком солнцеголовым
Сядь ты ко мне под плетень.

Дай мне твои волосья
Гребнем луны расчесать.
Этим обычаем гостя
Мы научились встречать.

Древняя тень Маврикии
Родственна нашим холмам,
Дождиком в нивы златые
Нас посетил Авраам.

Стихотворения

Сядь ты ко мне на крылечко,
Тихо склонись ко плечу.
Синюю звездочку свечкой
Я пред тобой засвечу.

Буду тебе я молиться,
Славить твою Иордань...
Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань.

Июнь, 1918, 20–23.
Константиново

Л.И.Кашиной

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?

Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?

Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил печальный
Твой предосенний шум.

Стихотворения

И мне в ответ березка:
«О любопытный друг,
Сегодня ночью звездной
Здесь слезы лил пастух.

Луна стелила тени,
Сияли зеленыя.
За голые колени
Он обнимал меня.

И так, вдохнувши глубоко,
Сказал под звон ветвей:
«Прощай, моя голубка,
До новых журавлей».

(1918)

Серебристая дорога,
Ты зовешь меня куда?
Свечкой чисточетверговой
Над тобой горит звезда.

Грусть ты или радость теплишь?
Иль к безумью правишь бег?
Помоги мне сердцем вешним
Долюбить твой жесткий снег.

Дай ты мне зарю на дровни,
Ветку вербы на узду.
Может быть, к вратам господним
Сам себя я приведу.

(1918)

* * *

Отвори мне, страж заоблачный,
Голубые двери дня.
Белый ангел этой полночью
Моего увел коня.

Богу лишнего не надобно,
Конь мой — мощь моя и крепь.
Слышу я, как ржет он жалобно,
Закусив золотую цепь.

Вижу, как он бьется, мечется,
Теребя тугой аркан,
И летит с него, как с месяца,
Шерсть буланая в туман.

(1918)

5 Сергей Есенин, том 2

Песни, песни, о чем вы кричите?
Иль вам нечего больше дать?
Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри вплетать.

Я хочу быть тихим и строгим.
Я молчанью у звезд учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.

Хорошо в эту лунную осень
Бродить по траве одному
И собирать на дороге колосья
В обнищалую душу-суму.

Вот оно, глупое счастье
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихий закат.

Здравствуй, золотое затишье,
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде.

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.

Стихотворения

Стелется синею рясой
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!

(1918)

КАНТАТА

Спите, любимые братья,
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.

Новые в мире зачатя,
Зарево красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.

Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот...
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенским народ.

(1918)

* * *

Заметает пурга
Белый путь.
Хочет в мягких снегах
Потонуть.

Ветер резвый уснул
На пути;
Ни проехать в лесу,
Ни пройти.

Забегала коляда
На село,
В руки белые взяла
Помело.

Гей вы, нелюди-люди,
Народ,

Выходите с дороги
Вперед!

Испугалась пурга
На снегах,
Побежала скорей
На луга.

Ветер тоже спросонок
Вскочил
Да и шапку с кудрей
Уронил.

Утром ворон к березоньке
Стук...
И повесил ту шапку
На сук.

(1918)

Стихотворения

* * *

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долю петь и звенеть пурге
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

Сергей Есенин

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
От того, что тот старый клен
Головой на меня похож.

(1918)

Клюеву

Теперь любовь моя не та.
Ах, знаю я, ты тужишь, тужишь
О том, что лунная метла
Стихов не расплескала лужи.

Грустя и радуясь звезде,
Спадающей тебе на брови,
Ты сердце выпеснил избе,
Но в сердце дома не построил.

И тот, кого ты ждал в ночи,
Прошел, как прежде, мимо крова.

Сергей Есенин

О друг, кому ж твои ключи
Ты золотил поющим словам?

Тебе о солнце не пропеть,
В окошко не увидеть рая.
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь.

(1918)

Закружилась листва золотая
В розовой воде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду.

Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.

И в душе и в долине прохлада,
Синий сумрак, как стадо овец,
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец.

Сергей Есенин

Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть,
Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...
Где ты, где, моя тихая радость,
Все любя, ничего не желать?

(1918)

Стихотворения

* * *

Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать
И смотреть, как над речкою
режет
Воду синюю солнца соха.

Хорошо выбивать из тела
Накаляющий песни гвоздь
И в одежде празднично белой
Ждать, когда постучится гость.

Я учусь, я учусь моим сердцем
Цвет черемух в глазах беречь,

* * *

О боже, боже, эта глубь —
Твой голубой живот.
Златое солнышко, как пуп,
Глядит в Каспийский рот.

Крючками звезд свивая в нить
Лучи, ты ловишь нас
И вершами бросаешь дни
В зрачки озерных глаз.

Но в малый вентерь рыбаля
Не заплывает сом.
Не втащит неводом заря
Меня в твой тихий дом.

6 Сергей Есенин, том 2

Сергей Есенин

Сойди на землю без порток,
Взбурли всю хлябь и водь,
Смолой кипящею восток
Пролей на нашу плоть.

Да опалят уста огня
Людскую страсть и стыд.
Внеси, как голубя, меня
В твой в синих рощах скит.

(1919)

Стихотворения

ПАНТОКРАТОР

1

Славь, мой стих, кто ревет
и бесится,
Кто хоронит тоску в плече,
Лошадиную морду месяца
Схватить за узду лучей.

Тысячи лет те же звезды славятся,
Тем же медом струится плоть.
Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня, господь.

За седины твои кудрявые,
За копейки с золотых осин

6*

Я кричу тебе: «К черту старое!»,
Непокорный, разбойный сын.

И за эти щедроты теплые,
Что сочишь ты дождями в мать,
О, какими, какими метлами
Это солнце с небес стряхнуть?

2

Там, за млечными холмами,
Средь небесных тополей,
Опрокинулся над нами
Среброструйный Водолей.

Он Медведицей с лазури —
Как из бочки черпаком.

В небо вспрыгнувшая буря
Села месяцу верхом.

В вихре снится сонм умерших,
Молоко дымящий сад,
Вижу, дед мой тянет вершей
Солнце с полдня на закат.

Отче, отче, ты ли внука
Услыхал в сей скорбный срок?
Знать, недаром в сердце мукал
Издыхающий телок.

3

Кружися, кружися, кружися,
Чекань твоих дней серебро!

Я понял, что солнце из выси
В колодезь золотое ведро.

С земли на незримую сушу
Отчалить и мне суждено.
Я сам положу мою душу
На это горящее дно.

Но знаю — другими очами
Умершие чуют живых.
О, дай нам с земными ключами
Предстать у ворот золотых.

Дай с нашей овсяною волей
Засовы чугунные сбить,
С разбегу по ровному полю
Заре на закорки вскочить.

Хвостом земле ты прицепись,
С зари отчалься гривой.
За эти тучи, эту высь
Скачи к стране счастливой.

И пусть они, те, кто во мгле
Нас пьют лампадой в небе,
Увидят со своих полей,
Что мы к ним в гости едем.

(1919)

Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится.

То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.

Понятен мне земли глагол,
Но не стряхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.

Так кони не стряхнут хвостом
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину.

(1919)

Ветры, ветры, о снежные ветры,
Заметите мою прошлую жизнь.
Я хочу быть отроком светлым
Иль цветком с луговой межи.

Я хочу под гудок пастуший
Умереть для себя и для всех.
Колокольчики звездные в уши
Насыпает вечерний снег.

Хороша бестуманная трель его,
Когда топит он боль в пурге.
Я хотел бы стоять, как дерево,
При дороге на одной ноге.

Сергей Есенин

Я хотел бы под конские храпы
Обниматься с соседним кустом.
Подымайте ж вы, лунные лапы,
Мою грусть в небеса ведром.

(1919)

По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет.

Полевое, степное «ку-гу»,
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяц, купаясь в снегу,
Сядет в редкие кудри сына.

Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.

Сергей Есенин

Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте.
По-осеннему сыплет ветер,
По-осеннему шепчут листья.

(1920)

СОРОКОУСТ

А. Мариенгофу

1

Трубит, трубит погибельный рог!
Как же быть, как же быть
теперь нам
На измызганных ляжках дорог?

Вы любители песенных блох,
Не хотите ль...

Полно кротостью мордищ
праздниться,
Любо ль, не любо ль — знай бери.

Хорошо, когда сумерки дразнятся
И всыпают нам в толстые задницы
Окровавленный веник зари.

Скоро заморозь известью выбелит
Тот поселок и эти луга.
Никуда вам не скряться
от гибели,

Никуда не уйти от врага.
Вот он, вот он с железным
брюхом,

Тянет к глоткам равнин пятерню,

Водит старая мельница ухом,
Навострив мукомольный нюх,
И дворовый молчальник бык,
Что весь мозг свой на телок пролил,

Под лягушинный писк в соломе.
О, электрический восход,
Ремней и труб глухая хватка,
Се изб древенчатый живот
Трясет стальная лихорадка!

3

Видели ли вы,
Как бежит по степям
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поездов?

А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,

Наш разбуженный скрежетом
плес,
И за тысячи пудов конской кожи
и мяса
Покупают теперь паровоз.

4

Черт бы взял тебя, скверный
гость!
Наша песня с тобой не сживется.
Жаль, что в детстве тебя
не пришлось
Утопить, как ведро в колодце.
Хорошо им стоять и смотреть,
Красить рты в жестяных
поцелуях, —

Мариенгофу

Я последний поэт деревни,
Скромн в песнях дощатый мост,
За прощальной стою обедней
Кающихся листвою берез.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.

Стихотворения

Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.

Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!

(1920)

ХУЛИГАН

Дождик мокрыми метлами чистит
Ивняковый помет по лугам.

Плюйся, ветер, охапками
листьев,

Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когда синие чащи,
Как с тяжелой походкой волы,
Животами, листвою хрипящими,
По коленкам марают стволы.

Вот оно, мое стадо рыжее!
Кто ж воспеть его лучше мог?

Стихотворения

Вижу, вижу, как сумерки лижут
Следы человеческих ног.

Русь моя, деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Взбрежи, полночь, луны кувшин
Зачерпнуть молока берез!
Словно хочет кого придушить
Руками крестов погост!

Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад,
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.

Сергей Есенин

Кто видал, как в ночи кипит
Кипяченных черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять.

Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен.
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Но не бойся, безумный ветер,
Плюй спокойно листвою по лугам.
Не сотрет меня кличка «поэт»,
Я и в песнях, как ты, хулиган.

(1920)

ИСПОВЕДЬ
ХУЛИГАНА

Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам.

Сие есть самая великая исповедь,
Которой исповедуется хулиган.

Я нарочно иду нечесаным,
С головой, как керосиновая
лампа, на плечах.
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потемках
освещать.

Мне нравится, когда каменья
брани

Летят в меня, как град
рыгающей грозы,
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь.

Так хорошо тогда мне вспоминать
Заросший пруд и хриплый звон
ольхи,

Что где-то у меня живут отец
и мать,

Которым наплевать на все мои
стихи,

Которым дорог я, как поле
и как плоть,

Стихотворения

Как дождик, что весной
взрыхляет зеленыя.
Они бы вилами пришли вас
заколоть
За каждый крик ваш,
брошенный в меня.

Бедные, бедные крестьяне!
Вы, наверно, стали некрасивыми,
Так же боитесь бога и болотных
недр.

О, если б вы понимали,
Что сын ваш в России
Самый лучший поэт!
Вы ль за жизнь его сердцем
не индевели,

Когда босые ноги он в лужах
осенних макал?

А теперь он ходит в цилиндре
И лакированных башмаках.

Но живет в нем задор прежней
вправки

Деревенского озорника.

Каждой корове с вывески
мясной лавки

Он кланяется издалека.

И, встречаясь с извозчиками
на площади,

Вспоминая запах навоза
с родных полей,

Он готов нести хвост каждой
лошади,
Как венчального платья шлейф.

Я люблю родину.
Я очень люблю родину!
Хоть есть в ней грусти ивовая
ржавь.

Приятны мне свиней
испачканные морды
И в тишине ночной звенящий
голос жаб.

Я нежно болен вспоминаньем
детства,
Апрельских вечеров мне снится
хмарь и сырь.

Как будто бы на корточки
погреться
Присел наш клен перед костром
зари.
О, сколько я на нем яиц из гнезд
вороньих,
Карабкаюсь по сучьям, воровал!
Все тот же ль он теперь,
с вершушкою зеленой?
По-прежнему ль крепка его кора?

А ты, любимый,
Верный пегий пес?!
От старости ты стал визглив и слеп
И бродишь по двору, влача
обвисший хвост,

Забыв чутьем, где двери
и где хлев.

О, как мне дороги все те
проказы,

Когда, у матери стянув краюху
хлеба,

Кусали мы с тобой ее по разу,
Ни капельки друг другом
не погребав.

Я все такой же.

Сердцем я все такой же.

Как васильки во ржи, цветут
в лице глаза.

Стеля стихов злаченные рогожи,
Мне хочется вам нежное сказать.

8 Сергей Есенин, том 2

Спокойной ночи!
Всем вам спокойной ночи!
Отзвенела по траве сумерек зари
 коса...

Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну.....

Синий свет, свет такой синий!
В эту синь даже умереть не жаль.
Ну так что ж, что кажусь я
 циником,
Прицепившим к заднице
 фонарь!
Старый, добрый, заезженный
 Пегас,
Мне ль нужна твоя мягкая рысь?

Стихотворения

Я пришел, как суровый мастер,
Воспеть и прославить крыс.
Башка моя, словно август,
Льется бурливых волос вином.

Я хочу быть желтым парусом
В ту страну, куда мы плывем.

(1920)

ПЕСНЬ О ХЛЕБЕ

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл — страдания
людей!

Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей.

Наше поле издавна знакомо
С августовской дрожью поутру.
Перевязана в снопы солома,
Каждый сноп лежит,
как желтый труп.

На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп —
овин.

Словно дьякон, на кобылу
 гаркнув,
Чтит возница погребальный чин.

А потом их бережно, без злости,
Головами стелют по земле
И цепами маленькие кости
Выбивают из худых телес.

Никому и в голову не встанет,
Что солома — это тоже плоть!..
Людоедке-мельнице — зубами
В рот суют те кости обмолоть.

И, из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груды вкусных яств...

Сторона ль ты моя, сторона!
Дождевое, осеннее олово.
В черной луже продрогший
фонарь
Отражает безгубую голову.

Нет, уж лучше мне не смотреть,
Чтобы вдруг не увидеть хужего.
Я на всю эту ржавую мреть
Буду щурить глаза и суживать.

Так немного теплей
и безбольней,
Посмотри: меж скелетов домов,

Словно мельник, несет

колокольня

Медные мешки колоколов.

Если голоден ты — будешь сытым.

Коль несчастен — то весел и рад.

Только лишь не гляди открыто,

Мой земной неизвестный брат.

Как подумал я — так и сделал,

Но увы! Все одно и то ж!

Видно, слишком привыкло тело

Ощущать эту стужу и дрожь.

Ну, да что же? Ведь много прочих,

Не один я в миру живой!

Стихотворения

А фонарь то мигнет, то захохочет
Безгубой своей головой.

Только сердце под ветхой
одеждой
Шепчет мне, посетившему
твердь:
«Друг мой, друг мой,
прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть».

(1921)

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я щедил сквозь кровавый рот:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».

И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипятковая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Золотая словесная грудка,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удаль
Забияки и сорванца.

Как тогда, я отважный
и гордый,
Только новью мой брызжет шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

Сергей Есенин

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет!».

(1922)

Мир таинственный, мир мой
 древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная
 гибель,
Я навстречу тебе выхожу!

Город, город! ты в схватке
 жесточкой

Окрестил нас как падаль
и мразь.

Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.

Жилист мускул у дьявольской
выи,

И легка ей чугунная гать.
Ну, да что же? Ведь нам
не впервые

И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягуче колко,
Это песня звериных прав!..
...Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.

Стихотворения

Зверь припал... и из пасмурных
недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого
недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой
любимый!
Ты не даром даешься ножу.
Как и ты — я, отвсюду гонимый,
Средь железных врагов
прохожу.

Как и ты — я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,

Сергей Есенин

Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный
прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зароюсь в снегу...
Все же песню отмщенья
за гибель

Пропоют мне на том берегу.

(1922)

* * *

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь
дым.

Увядания золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь
биться,

Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий, ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.

⁹ Сергей Есенин, том 2

О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась
мне?

Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев
медь...

Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.

(1922)

ПРОЩАНИЕ
С МАРИЕНГОФОМ

Есть в дружбе счастье оголтелое
И судорога буйных чувств —
Огонь растапливает тело,
Как стеариновую свечу.

Возлюбленный мой! дай мне
руки —

Я по-иному не привык, —
Хочу омыть их в час разлуки
Я желтой пеной головы.

Ах, Толя, Толя, ты ли, ты ли,
В который миг, в который раз —

9*

Опять, как молоко, застыли
Круги недвижущихся глаз.

Прощай, прощай. В пожарах
лунных
Дождусь ли радостного дня?
Среди прославленных и юных
Ты был всех лучше для меня.

В такой-то срок, в таком-то годе
Мы встретимся, быть может,
вновь...

Мне страшно,— ведь душа
проходит,
Как молодость и как любовь.

Стихотворения

Другой в тебе меня заглушит.
Не потому ли — в лад речам —
Мои рыдающие уши,
Как весла, плещут по плечам?

Прощай, прощай. В пожарах
 лунных
Не зреть мне радостного дня,
Но все ж средь трепетных
 и юных
Ты был всех лучше для меня.

(1922)

Стихотворения

Оттого что в полях забулдыге
Ветер больше поет, чем кому.

Провоняю я редькой и луком
И, тревожа вечернюю гладь,
Буду громко сморкаться в руку
И во всем дурака валять.

И не нужно мне лучшей удачи,
Лишь забыться и слушать пургу,
Оттого что без этих чудачеств
Я прожить на земле не могу.

(1922)

Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце
 мглистом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных
 по темницам.

Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околотку

Стихотворения

В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя
лечит.

Я хожу в цилиндре не для
женщин —
В глупой страсти сердце жить
не в силе, —
В нем удобней, грусть свою
уменьшив,
Золото овса давать кобыле.

Сергей Есенин

Средь людей я дружбы не имею,
Я иному покорился царству
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший
галстук.

И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омут в сердце
мглистом.

Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.

(1922)

Да! Теперь решено. Без возврата
Я покинул родные поля.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог.

Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.

Стихотворения

Низкий дом без меня
ссутулится,

Старый пес мой давно издох.

На московских изогнутых
улицах

Умереть, знать, судил мне бог.

(1922—1923)

Снова пьют здесь, дерутся
и плачут
Под гармоники желтую грусть.
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают московскую Русь.

И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об ином.

Что-то всеми навек утрачено.
Май мой синий! Июнь голубой!

Сергей Есенин

Гармонист спиртом сифилис
 лечит,
Что в киргизских степях получил.

Нет! таких не подмять,
 не рассеять.
Бесшабашность им гнилью дана.
Ты, Россеея моя... Рас... сея...
Азиатская сторона!

(1923)

Сыпь, гармоника. Скука...
Скука...

Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали —
Невтерпеж.
Что ж ты смотришь так синими
брызгами?

Иль в морду хошь?

В огород бы тебя на чучело,
Пугать ворон.

10 Сергей Есенин, том 2

Стихотворения

Чем больше, тем звонче,
То здесь, то там.
Я с собою не покончу,
Иди к чертям.

К вашей своре собачьей
Пора простыть.
Дорогая, я плачу,
Прости... прости...

(1923)

Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.
Проводов голубая солома
Опрокинулась над окном.

Были годы тяжелых бедствий,
Годы буйных, безумных сил.
Вспомнил я деревенское детство,
Вспомнил я деревенскую синь.

Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком.
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.

Стихотворения

Вижу сад в голубых крапах,
Тихо август прилег ко плетню.
Держат липы в зеленых лапах
Птичий гомон и щебетню.

Я любил этот дом деревянный,
В бревнах теплилась грозная
 морщь,
Наша печь как-то дико и странно
Завывала в дождливую ночь.

Голос громкий и всхлипень
 зычный,
Как о ком-то погибшем, живом.
Что он видел, верблюд кирпичный,
В завывании дождевом?

Сергей Есенин

Видно, видел он дальние страны,
Сон другой и цветущей поры,
Золотые пески Афганистана
И стеклянную хмарь Бухары.

Ах, и я эти страны знаю —
Сам немалый прошел там путь.
Только ближе к родимому краю
Мне б хотелось теперь
повернуть.

Но угасла та нежная дрема,
Все истлело в дыму голубом
Мир тебе — полевая солома,
Мир тебе — деревянный дом!

(1923)

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот — и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Золотые далекие дали!
Все сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.

Дар поэта — ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть
не сбылись

Эти помыслы розовых дней.

Но коль черти в душе

гнездились —

Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,

Отправляясь с ней в край иной,

Я хочу при последней минуте

Попросить тех, кто будет

со мной, —

Стихотворения

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской
рубашке
Под иконами умирать.

(1923)

* * *

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел
 про любовь,
В первый раз отрекаюсь
 скандалить.

Был я весь — как запущенный
 сад,
Был на женщин и зелье падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь
 без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем
упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

Сергей Есенин

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь
скандалить.

(1923)

* * *

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в рязанях.

Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик
в повесе,

А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,
Словно августовская прохлада?

Я не нищий, ни жалок, ни мал
И умею расслышать за пылом:
С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберег
Для тебя, для нее и для этой.

Стихотворения

Невеселого счастья залог —
Сумасшедшее сердце поэта.

Потому и грущу, осев,
Словно в листья, в глаза косые...
Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.

(1923)

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу.
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце напилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными — кладбища и хаты.

Сергей Есенин

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

(1923)

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых —
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.

Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.

11*

Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.

Там теперь такая ж осень...
Клен и липы в окна комнат,
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.

Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в гости,

Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.

Стихотворения

Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.

Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

(1923)

* * *

Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен
и сырость.

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

(1923?)

Ты прохладой меня не мучай
И не спрашивай, сколько мне лет,
Одержимый тяжелой падучей,
Я душой стал, как желтый скелет.

Было время, когда
из предместья
Я мечтал по-мальчишески —
в дым,
Что я буду богат и известен
И что всеми я буду любим.

Да! Богат я, богат с излишком.
Был цилиндр, а теперь его нет.

Лишь осталась одна манишка
С модной парой избитых
штиблет.

И известность моя не хуже, —
От Москвы по парижскую рвань
Мое имя наводит ужас,
Как заборная, громкая брань.

И любовь, не забавное ль дело?
Ты целуешь, а губы как жель.
Знаю, чувство мое перезрело,
А твое не сумеет расцвести.

Мне пока горевать еще рано,
Ну, а если есть грусть — не беда!

Сергей Есенин

Золотей твоих кос по курганам
Молодая шумит лебеда.

Я хотел бы опять в ту местность,
Чтоб под шум молодой лебеды
Утонуть навсегда в неизвестность
И мечтать по-мальчишески —
в дым.

Но мечтать о другом, о новом,
Непонятном земле и траве,
Что не выразить сердцу словом
И не знает назвать человек.

(1923?)

Вечер черные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храни, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Сергей Есенин

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла бывая
Наша жизнь, что былой не была.
Голова ль ты моя удаля,
До чего ж ты меня довела?

(1923)

Я усталым таким еще не был.
В эту серую морозь и слизь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь.

Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну,
Не от этого ль темная сила
Приучила меня к вину.

Бесконечные пьяные ночи
И в разгуле тоска не впервые!
Не с того ли глаза мне точит,
Словно синие листья червь?

Не больна мне ничья измена,
И не радует легкость побед, —
Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет.

Превращается в пепел и воды,
Когда цедит осенняя муть.
Мне не жаль вас, прошедшие
годы, —

Ничего не хочу вернуть.

Я устал себя мучить бесцельно,
И с улыбкою странной лица
Полюбил я носить в легком теле
Тихий свет и покой мертвеца...

Стихотворения

И теперь даже стало не тяжело
Ковылять из притона в притон,
Как в смиренную рубашку,
Мы природу берем в бетон.

И во мне, вот по тем же
законам,
Умиряется бешеный пыл.
Но и все же отношусь я с поклоном
К тем полям, что когда-то любил.

В те края, где я рос под кленом,
Где резвился на желтой траве, —
Шлю привет воробьям,
и воронам,
И рыдающей в ночь сове.

Сергей Есенин

Я кричу им в весенние дали:
«Птицы милые, в синюю дрожь
Передайте, что я отскандалил,—
Пусть хоть ветер теперь начинает
Под микитки дубасить рожь».

(1923?)

* * *

Годы молодые с забубенной славой,
Отравил я сам вас горькою
отравой.

Я не знаю: мой конец близок ли,
далек ли,
Были синие глаза, да теперь
поблекли.

Где ты, радость? Темь и жуть,
грустно и обидно.
В поле, что ли? В кабаке?
Ничего не видно.

Руки вытяну — и вот слушаю
на ощупь:

Едем... кони... сани... снег...
проезжаем рощу.

«Эй, ямщик, неси вовсю! Чай,
рожден не слабым!
Душу вытрясти не жаль
по таким ухабам».

А ямщик в ответ одно:
«По такой метели
Очень страшно, чтоб в пути
лошади вспотели».

«Ты, ямщик, я вижу, трус. Это
не с руки нам!»
Взял я кнут и ну стегать
по лошажьим спинам.

Стихотворения

Бью, а кони, как метель, снег
 разносят в хлопья.
Вдруг толчок... и из саней прямо
 на сугроб я.

Встал и вижу: что за черт —
 вместо бойкой тройки...
Забинтованный лежу на
 больничной койке.

И вместо лошадей по дороге
 тряской
Бью я жесткую кровать мокрую
 повязкой.

На лице часов в усы закрутились
 стрелки.

12*

Сергей Есенин

Наклонились надо мной сонные
сиделки.

Наклонились и хрипят: «Эх ты,
златоглавый,
Отравил ты сам себя горькою
отравой».

Мы не знаем, твой конец
близок ли, далек ли,
Синие твои глаза в кабаках
промокли».

(1924)

ПИСЬМО
МАТЕРИ

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей
избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:

Будто кто-то мне в кабацкой
драке
Саданул под сердце финский
нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я
пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш
дом.

Стихотворения

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечалось,
Не волнуй того, что не сбылось, —
Слишком раннюю утрату
и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня.
Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Сергей Есенин

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

(1924)

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь.

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я
женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших
меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Стихотворения

Знаю я, что в той стране
не будет

Этих нив, златящихся во мгле.

Оттого и дороги мне люди,

Что живут со мною на земле.

(1924)

ВОЗВРАЩЕНИЕ
НА РОДИНУ

Я посетил родимые места,
Ту сельщину,
Где жил мальчишкой,
Где каланчой с березовою
вышкой
Взметнулась колокольня
без креста.

Как много изменилось там,
В их бедном, неприглядном быте.
Какое множество открытий
За мною следовало по пятам.

Стихотворения

Отцовский дом
Не мог я распознать:
Приметный клен уж под окном
 не машет,
И на крылечке не сидит уж мать,
Кормя цыплят крупитчатую
 кашей.

Стара, должно быть стала...
Да, стара.
Я с грустью озираюсь
 на окрестность:
Какая незнакомая мне местность
Одна, как прежняя, белеется гора,
Да у горы
Высокий серый камень.

А ты ей что?
Сродни?
Аль, может, сын пропащий?»

«Да, сын
Но что, старик, с тобой?
Скажи мне,
Отчего ты так глядишь скорбяще?»

«Добро, мой внук,
Добро, что не узнал ты деда!..»
«Ах, дедушка, ужели это ты?»
И полилась печальная беседа
Слезами теплыми на пыльные
цветы.

.....

«Тебе, пожалуй, скоро будет
тридцать...

А мне уж девяносто...
Скоро в гроб.
Давно пора бы было
воротиться».

Он говорит, а сам все морщит
лоб.

«Да!.. Время!..
Ты не коммунист?»
«Нет!..»
«А сестры стали комсомолки.
Такая гадость! Просто удавись!
Вчера иконы выбросили с полки,
На церкви комиссар снял крест.
Теперь и богу негде помолиться.

Уж я хожу украдкой нынче в лес,
Молюсь осинам...
Может, пригодится...

Пойдем домой —
Ты все увидишь сам».

И мы идем, топчя межой
кукольни.
Я улыбаюсь пашням и лесам,
А дед с тоской глядит
на колокольню.

.....
.....

«Здорово, мать! Здорово!» —
И я опять тяну к глазам платок.

Тут разрыдаться может и корова,
Глядя на этот бедный уголок.

На стенке календарный Ленин.
Здесь жизнь сестер,
Сестер, а не моя, —
Но все ж готов упасть я
на колени,
Увидев вас, любимые края.

Пришли соседи...
Женщина с ребенком.
Уже никто меня не узнает.
По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.

Стихотворения

Ах, милый край!
Не тот ты стал,
Не тот.
Да уж и я, конечно, стал
 не прежний.
Чем мать и дед грустней
 и безнадежней,
Тем веселей сестры смеется рот.

Конечно, мне и Ленин не икона,
Я знаю мир...
Люблю мою семью...
Но отчего-то все-таки с поклоном
Сажусь на деревянную скамью.

«Ну, говори, сестра!»

13*

И вот сестра разводит,
Раскрыв, как Библию, пузатый
«Капитал»,
О Марксе,
Энгельсе...
Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал.

И мне смешно,
Как шустрая девчонка
Меня во всем за шиворот берет.

.....
.....

По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.

■ (1924)

ПУШКИНУ

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.

Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.

Сергей Есенин

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

(1924)

Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

Для меня было все тогда новым,
Много в сердце теснилось чувств,
А теперь даже нежное слово
Горьким плодом срывается с уст.

И знакомые взору просторы
Уж не так под луной хороши.
Буераки... пеньки... косогоры
Опечалили русскую ширь.

Стихотворения

Потому никому не рассыпать
Эту грусть смехом ранних лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

(1924)

Сергей Есенин

РУСЬ
СОВЕТСКАЯ

А.Сахарову

Тот ураган прошел. Нас мало
уцелело.
На переключке дружбы много лет.
Я вновь вернулся в край
осиротелый,
В котором не был восемь лет.
Кого позвать мне? С кем мне
поделиться
Той грустной радостью, что я
остался жив?

Стихотворения

Здесь даже мельница —
 бревенчатая птица
С крылом единственным —
 стоит, глаза смежив.

Я никому здесь не знаком.
А те, что помнили, давно
 забыли.

И там, где был когда-то отчий
 дом,

Теперь лежит зола да слой
 дорожной пыли.

А жизнь кипит.
Вокруг меня снуют
И старые и молодые лица.

Но некому мне шляпой
поклониться,
Ни в чьих глазах не нахожу
приют.

И в голове моей проходят роем
думы:

Что родина?
Ужели это сны?
Ведь я почти для всех здесь
пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой
стороны.

И это я!
Я, гражданин села,

Ах, родина! Какой я стал
смешной.
На щеки впалые летит сухой
румянец.
Язык сограждан стал мне
как чужой,
В своей стране я словно
иностранец

Вот вижу я:
Воскресные сельчане
У волости, как в церковь,
собрались
Корявыми, немытыми речами
Они свою обсуживают «жись».

И клены морщатся ушами
длинных веток,
И бабы охают в немую полутьму.

С горы идет крестьянский
комсомол,
И под гармонику, наяривая
рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом
дружен?

Моя поэзия здесь больше
не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь
не нужен.

Ну что ж!
Прости, родной приют.
Чем сослужил тебе, и тем уж я
доволен.
Пускай меня сегодня не поют —
Я пел тогда, когда был край мой
болен.

Приемлю все.
Как есть все принимаю.
Готов идти по выбитым следам.

Отдам всю душу октябрю
и маю,
Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки,
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои
вверяла звук
И песни нежные лишь только
пела мне

Цветите, юные! И здоровейте
тело!
У вас иная жизнь, у вас другой
напе

Издатель славный! В этой книге
Я новым чувствам предаюсь,
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.

Пускай о многом неумело
Шептал бумаге карандаш,
Душа спросонок хрипло пела,
Не понимая праздник наш.

Но ты видением поэта
Прочтешь не в буквах,
а в другом,

Стихотворения

Что в той стране, где власть
Советов,
Не пижут старым языком.

И, разбирая опыт смелый,
Меня насмешке не предашь, —
Лишь потому так неумело
Шептал бумаге карандаш.

(1924)

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый
в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит
дом.
О всех ушедших грезит
конопляник
С широким месяцем
над голубым прудом.

Стихотворения

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер
в даль,

Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне
не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных
напрасно,

Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины
красной,

Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.

Сергей Есенин

Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный
ком...

Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

(1924)

НА КАВКАЗЕ

Издревле русский наш Парнас
Тянуло к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом.

Здесь Пушкин в чувственном огне
Слагал душой своей опальной:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

И Лермонтов, тоску лечя,
Нам рассказал про Азамата,
Как он за лошадь Казбича
Давал сестру вместо злата.

Сергей Есенин

За грусть и желчь в своем лице
Кипенья желтых рек достоин,
Он, как поэт и офицер,
Был пулей друга успокоен.

И Грибоедов здесь зарыт,
Как наша дань персидской
хмари,

В подножии большой горы
Он спит под плач зурны и тари.

А ныне я в твою безгладь
Пришел, не ведая причины:
Родной ли прах здесь обрыдать
Иль подсмотреть свой час
кончины!

Мне все равно! Я полон дум
О них, ушедших и великих.
Их исцелял гортанный шум
Твоих долин и речек диких.

Они бежали от врагов
И от друзей сюда бежали,
Чтоб только слышать звон шагов
Да видеть с гор глухие дали.

И я от тех же зол и бед
Бежал, навек простясь с богемой,
Зане созрел во мне поэт
С большой эпической темой.

Мне мил стихов российский жар.
Есть Маяковский, есть и кроме,

Но он, их главный штабс-маляр,
Поет о пробках в Моссельпроме.

И Клюев, ладожский дьячок,
Его стихи как телогрейка,
Но я их вслух вчера прочел —
И в клетке сдохла канарейка.

Других уж нечего считать,
Они под хладным солнцем
зреют.

Бумаги даже замарать,
И то, как надо, не умеют.

Прости, Кавказ, что я о них
Тебе промолвил ненароком,

Стихотворения

Ты научи мой русский стих
Кизиловым струиться соком.

Чтоб, воротясь опять в Москву,
Я мог прекраснейшей поэмой
Забить ненужную тоску
И не дружить вовек с богемой.

И чтоб одно в моей стране
Я мог твердить в свой час
 прощальный:

«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».

(1924)

СУКИН СЫН

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.

Нынче юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен,
Но припомнил я девушку в белом,
Для которой был пес почтальон.

Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был незнаком,
Но о чем-то подолгу мечтала
У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отливом
в синь,
С лаем ливисто ошалелым
Меня встрел молодой ее сын.

Сергей Есенин

Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души.
С этой болью я будто моложе,
И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом
И, как друга, введу тебя в дом...
Да, мне нравилась девушка
в белом,
Но теперь я люблю в голубом.

(1924)

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда, —
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,

Другие думы
Давят череп мне.

Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном —
В великих штатах СССР.

Я из Москвы надолго убежал:
С милицией я ладить
Не в сноровке,
За всякий мой пивной скандал
Они меня держали
В тигулевке.

Благодарю за дружбу граждан
сих,

Но очень жестко
Спать там на скамейке
И пьяным голосом
Читать какой-то стих
О клеточной судьбе
Несчастной канарейки.

Я вам не кенар!
Я поэт!
И не чета каким-то там
Демьянам.

Пускай бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих
Прозрений дивных свет.

Я вижу все
И ясно понимаю,
Что эра новая —
Не фунт изюму вам,
Что имя Ленина
Шумит, как ветер, по краю,
Давая мыслям ход,
Как мельничным крылам.

Вертитесь, милые!
Для вас обещан прок.
Я вам племянник,
Вы же мне все дяди.
Давай, Сергей.
За Маркса тихо сядем,
Понюхаем премудрость
Скучных строк.

Дни, как ручьи, бегут
В туманную реку.
Мелькают города,
Как буквы по бумаге.
Недавно был в Москве,
А нынче вот в Баку.
В стихию промыслов
Нас посвящает Чагин.

«Смотри, — он говорит, —
Не лучше ли церквей
Вот эти вышки
Черных нефть-фонтанов.
Довольно с нас мистических
 туманов,
Воспой, поэт,
Что крепче и живей».

Стихотворения

И, самого себя
По шее глядя,
Я говорю:
«Настал наш срок,
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Чтоб разгадать
Премудрость скучных строк».

(1924)

СОДЕРЖАНИЕ

- 5 «Разбуди меня завтра рано...»
7 «Небо ли такое белое...»
9 «Свищет ветер под крутым
забором...»
12 «Где ты, где ты, отчий дом...»
14 «О мать божья...»
16 «О пашни, пашни, пашни...»
18 «Нивы сжаты, рощи голы...»
19 «Я по первому снегу бреду...»
21 «О верю, верю, счастье
есть!..»
23 «О муза, друг мой гибкий...»
26 Мечта
32 «Пушистый звон и руга...»
34 Инония

Стихотворения

- 51 Королева
53 «Снег, словно мед
ноздреватый...»
55 Иорданская голубица
62 «Зеленая прическа...»
64 «Серебристая дорога...»
65 «Отвори мне, страж
заоблачный...»
66 «Песни, песни, о чем вы
кричите?...»
68 «Вот оно, глупое счастье...»
70 Кантата
71 «Заметает пурга...»
73 «Я покинул родимый дом...»
75 «Теперь любовь моя не та...»
77 «Закружилась листва
золотая...»

- 79 «Хорошо под осеннюю
свежесть...»
- 81 «О боже, боже, эта глубь...»
- 83 Пантократор
- 89 «Душа грустит о небесах...»
- 91 «Ветры, ветры, о снежные
ветры...»
- 93 «По-осеннему кычет сова...»
- 95 Сорокоуст
- 102 «Я последний поэт
деревни...»
- 104 Хулиган
- 107 Исповедь хулигана
- 116 Песнь о хлебе
- 119 «Сторона ль ты моя,
сторона!..»
- 122 «Все живое особой метой...»

- 125 «Мир таинственный, мир мой
древний...»
- 129 «Не жалею, не зову,
не плачу...»
- 131 Прощание с Мариенгофом
- 134 «Не ругайтесь! Такое дело!..»
- 136 «Я обманывать себя
не стану...»
- 139 «Да! Теперь решено.
Без возврата...»
- 142 «Снова пьют здесь, дерутся
и плачут...»
- 145 «Сыпь гармоника. Скука...
Скука...»
- 148 «Эта улица мне знакома...»
- 151 «Мне осталась одна забава...»
- 154 «Заметался пожар голубой...»

Сергей Есенин
СТИХОТВОРЕНИЯ
Сочинения в трех томах
Том 2

Подписано в печать 20.01.06. Формат 60 x 84
Бумага офсетная. Печать офсет. Печ. л. 3,7
Тираж 5000 экз. Заказ № 9.
ИПЦ «Русский раритет».
119002 Москва, Денежный пер., 22.
Отпечатано с оригинал-макета
заказчика в ОАО
«Издательство «Советская Кубань».
350000 Краснодар, ул. Рашпилевская, 106.